

Секретный агент Багира

Марина Серова

Не буди во мне зверя

«Научная книга»

Серова М. С.

Не буди во мне зверя / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Юлия Максимова, секретный агент по кличке Багира, могла считать себя покойницей. Она уже почти не сомневалась, что находится в секретной лаборатории пси-террористов, которую она так тщательно искала. Только сейчас Багира сообразила, что все ее вещи, включая документы и оружие, попали в руки ее «гостеприимных хозяев», а это значило, что они прекрасно понимали, что за птичка залетела к ним в клетку. Но неожиданно для себя Юля встречает здесь человека из своего прошлого, и, возможно, теперь ее ждет веселенькая перспектива: остаток жизни провести в качестве любовницы – зомби...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Не буди во мне зверя

ГЛАВА 1

Природа сошла с ума.

Только было установилась хорошая погода, как все изменилось в один час. И дождь, начавшийся ночью, продолжался весь день.

Но мне это нисколько не портило настроение.

Все утро я посвятила генеральной уборке своего замечательного дома.

Можно было бы для этой цели нанять какую-нибудь женщину, но прислуга – это не только определенные удобства, но и целый набор НЕудобств. И я предпочитаю лишиться первых, дабы не обрести последние.

Тем более что домоводство никогда не вызывало у меня отрицательных эмоций. С одинаковым удовольствием в свободное от работы время я готовлю, стираю или занимаюсь уборкой, а чтобы добавить этим обыденным занятиям остроты, придумываю для себя всякие штуки.

Так сегодня, например, я решила, что буду не просто убираться во всех комнатах, а попытаюсь разыскать подслушивающие устройства нового поколения, поставленные мне монгольскими шпионами. И в поисках «жучков» вынуждена была залезать в такие углы, до которых без этого никогда бы не дошли руки.

В результате были найдены: пропавшие полгода назад тапочки, вместо которых я давно купила себе новые, две ручки, запасные ключи от машины (я даже не предполагала, что они у меня есть), кое-что из предметов туалета и около тридцати рублей мелочью.

Каждая находка повышала мое настроение, и уборка подходила к концу, когда я действительно обнаружила у себя в доме «жучок». Я застыла, словно мраморное изваяние.

Вновь обретя утраченный на время дар речи, я смогла наконец произнести:

– Какого черта! Это была игра. Никаких «жучков» в моем доме не может быть теоретически. Да и кому пришлось в голову, учитывая уровень моей секретности?

О том, что я секретный агент Багира, известно на этом свете двум-трем людям, а если это стало достоянием общественности, то грош цена мне как профессионалу.

Честно говоря, я растерялась. Потому что такую новость срочно нужно было сообщить начальству. И я догадывалась, к чему это приведет. Как минимум к шести месяцам проверок по всем направлениям. И, разумеется, никаких заданий. Кому нужен секретный агент, от секретности которого остались одни воспоминания?

Но сделать это было необходимо, и чем быстрее, тем лучше.

Но я не успела воспользоваться ни телефоном, ни электронной почтой, потому что в этот самый момент услышала призывный звук компьютера. И лишний раз убедилась, что на ловца и зверь бежит, так как этот сигнал звучал только в том случае, когда со мной на связь выходило начальство.

Каково же было мое удивление, когда я увидела на экране монитора следующий текст: «**НЕМЕДЛЕННО ВОССТАНОВИТЕ ВСЕ, КАК БЫЛО**».

Это было похоже на мистику. Представить, что секретным каналом связи воспользовались мои противники, я не могла. А уж того, что они в категоричной форме требуют поставить на место найденный и обезвреженный мною «жучок», – и подавно.

Вывод напрашивался сам собой. «Жучок» стоял здесь с самого начала, с того дня, когда заботливое начальство вручило мне ключи от этого особняка. Но мне и в голову не могло

прийти, что оно настолько интересуется моей личной жизнью, что ставит у меня в спальне подслушивающие устройства. Или я чего-то не понимала?

«ПРОШУ ОБЪЯСНЕНИЙ», – отправила я в меру наглый по отношению к начальству, но вполне объяснимый в таких обстоятельствах ответ.

Уже через несколько минут все выяснилось. Оказывается, это милое техническое устройство было действительно установлено здесь с самого начала «в целях безопасности моего жилища». И, поразмыслив, я пришла к выводу, что лучшего сторожа трудно было бы себе представить. И задавила зарождавшееся было в душе чувство справедливого негодования по этому поводу.

Ну а что касается права на личную жизнь – для человека моей профессии это роскошь. И к такому положению вещей я уже давно привыкла.

Но это была, так сказать, сопутствующая информация, а вызывали меня совершенно по другому поводу.

И нетрудно было догадаться – по какому.

Мне сообщили об очередном задании. И приступить к нему я должна была немедленно.

Для начала я вернула на прежнее место «жучок» и сварила себе чашку кофе, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к работе.

За кофе я размышляла о том, как изменится моя жизнь с учетом того, что любой произведенный мною шум в ту же секунду, преодолев тысячи километров, окажется доступным молодым людям с профессионально хорошим слухом.

Мне тут же захотелось сделать что-то невообразимое, спеть, разыграть в лицах эротическую сцену – одним словом, нахулиганить, но я преодолела это желание, не соответствующее моему статусу и в особенности тому серьезному заданию, к которому мне надлежало приступить через несколько минут.

Тем временем непогода за окном разыгралась не на шутку, и дождь в сочетании с ураганным ветром напоминали уже стихийное бедствие. Тем более в стране, где любые осадки подвергают коммунальные службы в состояние шока.

Можно подумать, что ливень и снег в России для них – явления неожиданные и экстраординарные.

Но несмотря на всю мою иронию, выходить из дома в такую погоду мне совершенно не хотелось.

Большая часть секретных агентов в этом отношении – самые обыкновенные люди, и мазохисты среди них мне до сих пор не попадались. Во всяком случае, себя я к ним точно не отношу. И во время дождя предпочитаю сидеть перед камином в теплом уютном помещении с чашечкой кофе в руках и пледом на коленях, а не мчаться очертя голову неведь куда даже на таком надежном автомобиле, как мой «нежный и ласковый зверь» серебристого цвета.

За этот год я успела настолько сродниться с этим чудом на колесах, что отношусь к нему почти как к живому существу – со своим характером, слабостями и привычками. Да и как еще «Багира» может относиться к «Ягуару»? Мы оба с ним кошки и прекрасно понимаем друг друга.

Но, слава богу, в ближайшие часы мне не требовалось покидать свое убежище, потому что первое, что я должна была сделать, – это расшифровать то послание, которое мне скинули по электронной почте несколько минут назад.

Судя по тому, в каком виде на этот раз передали мне информацию, это было что-то сверхсекретное и важное.

Открытым текстом мы практически не общаемся, несмотря на то что мой спецканал связи надежно защищен от любопытных.

Информация приходит всегда в зашифрованном виде, то есть в форме длинных однообразных столбцов цифр, которые с каждым разом требуют все меньше времени на расшиф-

ровку. Глаза привычно выделяют известные им сочетания цифр и, отсеивая ненужное, формулируют слова и предложения.

Но на этот раз отправитель не удовлетворился обычным уровнем секретности и перекинул мне огромную и увлекательную компьютерную игру.

На этот случай у меня была припасена специальная программа, которая превращала бесконечные приключения героя «бродилки» в осмысленный и вполне серьезный текст. Пока мой компьютер производил эту мудреную операцию, у меня было время, чтобы спокойно попить кофе, а при желании и вздремнуть.

Но мне не терпелось узнать, в чем же там дело, и я вновь вернулась к компьютеру. Кроме того, я люблю наблюдать, как мой электронный трудяга разбирает по косточкам электронную игру и блок за блоком превращает ее в колонки одному ему известных значков.

На этот процесс у него уходит больше часа, после чего он гордо сообщает, что преобразование завершено. Но это еще не конец. Чтобы прочитать, что означает этот коктейль из всех букв, значков и символов, нужно вместо головы иметь на плечах процессор.

Поэтому я должна включить еще одну программу, которая уже переведет все это на нормальный человеческий язык, за несколько минут сделает все тайное явным, и я смогу приступить к работе.

Наконец и вторая программа выкинула на экран красивую табличку с сообщением, что ее работа закончена, и, открыв новый файл, я поразились его вели – чине.

«Да, Багира, спать тебе сегодня не придется», – подумала я и как в воду глядела.

На изучение присланных мне материалов у меня ушел весь вечер, большая часть ночи, а под утро я уже не могла заснуть под впечатлением той информации, которая стала мне известна.

* * *

А на рассвете раздался звонок сотового телефона.

– Ну как ты? – поинтересовался голос, который я узнаю из тысячи.

Это был Гром. Мой командир и начальник нашего секретного отдела, который знал меня как облупленную и не сомневался, что я не сплю в этот час.

– Более или менее.

– Справишься?

Вопрос был, что называется, «интересный», но я поняла, что это действительно тревожит Грома. И мне даже показалось, что он подумывает передать это задание кому-то другому. Этого я позволить не могла, поэтому ответила как можно увереннее:

– Постараюсь.

– Ну, ни пуха.

– К черту.

Он помолчал, и я затаила дыхание.

– Если что... связывайся со мной в любое время.

Такого я от него еще не слышала никогда. Видимо, мое новое задание волновало его и именно оно не давало ему спать в этот ранний час.

– А справишься... – он снова замолчал, видимо, подыскивая слова, – отправляйся в Италию на месяц безо всякого задания.

– Это вы серьезно?

– Вполне.

Он дал отбой, и только теперь я по-настоящему осознала, с каким противником мне придется иметь дело на этот раз. И пошла на кухню за новой чашкой кофе.

Наверное, пора рассказать, что же за информация содержалась в этом суперсекретном файле и почему я настроилась так серьезно.

Я много раз слышала о психотронном оружии, биогенераторах и прочих страшилках конца двадцатого века. Но большей частью эта информация поступала ко мне со страниц газет, а то и со стен и заборов родного города.

Одно время на смену традиционным изображениям эмблемы «Спартака» туда пришла загадочная фраза «Биогенератор ГПУ» или еще более загадочная – «Все лбы в датчиках КГБ».

И хотя я имела некоторое отношение к вышеназванной организации, никакой более достоверной информацией на эту тему не располагала.

И вот теперь мне предстояло столкнуться с этой проблемой лицом к лицу.

Те, кто готовил для меня эти материалы, постарались на славу.

Ребята изложили суть дела настолько простым и доступным языком, словно готовили научно-популярное издание для малолетних вундеркиндов.

Поэтому к утру я уже могла отличить психотропные средства от психотронного оружия и не пугалась при словах «экстрасенс» и «парапсихология».

И если до сегодняшнего дня я относилась ко всему этому с большой долей скепсиса, то сейчас уже не сомневалась: в стране имеются люди, которые всерьез решили поставить под свой контроль не только рядовых граждан, но и правительство и президента.

И добиться они этого собираются с помощью целой системы сложнейшей аппаратуры и нечистых на руку экстрасенсов, то есть применяя именно психотронные средства.

Теперь было ясно, что такая лаборатория существует, но никто понятия не имел, где она находится и кто в ней работает. А учитывая, что сигнал биогенератора может свободно распространяться на многие сотни километров без затухания, – отыскать ее было не менее сложно, чем пресловутую иголку в стогу сена.

Благодаря деятельности этой лаборатории, утверждалось в полученной мною информации, с высокопоставленными чиновниками в последнее время стали происходить настолько невероятные вещи, что это напоминало страшный сон.

В кабинетах депутатов Думы появились иконы, а некоторые из них уже обращались за помощью к бабкам. В кулуарах Думы все чаще стали звучать слова «нечистая сила», «порча» и «сглаз». Многие до недавних пор не верящие ни в бога ни в черта мужики стали слышать «голоса», «ловили чертей» и боялись оставаться в собственной квартире.

Наиболее здравомыслящие из них обращались к психиатрам, которые в ответ лишь разводили руками. По всем признакам это напоминало внезапную эпидемию шизофрении.

Количество жертв неведомой лаборатории росло с каждым днем, эти события вызвали серьезную обеспокоенность. Особенно после самоубийства лидера одной из самых влиятельных фракций.

Предсмертная записка несчастного недвусмысленно свидетельствовала о том, что он стал жертвой «психического террора». И если этот процесс не остановить, то ситуация в стране грозила выйти из-под контроля, и в этом случае можно было ожидать самых страшных последствий.

«Недаром так переполошился мой генерал, и не напрасно он не спит в столь ранний час», – подумала я, хорошенько проанализировав ситуацию.

У меня на руках был внушительный список пострадавших, а в комментариях к нему говорилось, что это далеко не полный список.

И я не видела другого способа приступить к делу, как познакомиться с пострадавшими поближе. Документы документами, а собственных наблюдений не в состоянии заменить ни одна бумажка, даже если эта «бумажка» приходит к тебе по сверхсекретному каналу электронной почты.

Среди пострадавших я не обнаружила ни одного земляка, поэтому в самое ближайшее время мне предстояло покинуть свое уютное гнездышко, сесть за руль автомобиля и как следует надавить на педаль газа.

Я хорошо представляла себе, каким образом защититься от наемных убийц, профессиональных диверсантов, но как воевать с экстрасенсами – было для меня тайной за семью печатями.

На всякий случай я напихала в свою походную сумку весь джентльменский набор секретного агента, а то, что не уместилось в сумку, закинула во вместительный багажник своего «Ягуара».

Когда я закрывала за собой железные ворота особняка и садилась в машину, на часах было чуть больше семи часов утра, а у меня за плечами тяжелым грузом уже висела первая бессонная ночь.

Сколько таких ночей будет у меня впереди – можно было только догадываться, но мне к этому не привыкать, к тому же пол-литра крепчайшего кофе должны были гарантировать мне несколько часов бодрости и хорошего настроения.

Отъехав от дома на сотню метров, я оглянулась, и мое сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Мне показалось, что я прощаюсь со своим жилищем навсегда.

– Родная, – сказала я себе, стараясь отогнать внезапное наваждение, – что-то рановато ты на этот раз запаниковала. Или неведомые «чародеи» и на тебя успели навести порчу?

Как бы то ни было, но погода была омерзительная, небо обложили тяжелые тучи, а на гладкую серебристую поверхность моего автомобиля время от времени сыпался сверху мелкий дождь.

Мой дом расположен на краю города, но, для того чтобы выехать на московскую трассу, мне пришлось проехать через центр. Тарасов нравится мне при любой погоде, а его блестящие от дождя мостовые только добавили ему очарования.

В очередной раз я пожалела, что бог не наградил меня талантом художника. Может быть, тогда я не мчалась бы теперь с предельной скоростью навстречу самым невероятным испытаниям с риском для жизни и здоровья, а стояла бы на какой-нибудь тихой тарасовской улочке за мольбертом. Редкие утренние прохожие с любопытством заглядывали бы через мое плечо, а к моим ногам прижимался бы золотисто-рыжий спаниель по кличке Рафаэль.

Но моих художественных талантов хватало лишь на то, чтобы сделать из крема аппетитные розочки на торте собственного изготовления. Хотя и на это у меня в последнее время совершенно не было времени.

Не подумайте, что я жалею о судьбе. Свою опасную профессию я не променяю ни на какую другую, просто...

Просто погода была в это утро дождливая. А в дождь иногда становится жалко себя и хочется плакать. Даже секретным агентам.

Дорога мне предстояла неблизкая, и я сочла за лучшее заправить не только бак, но и наполнить две двадцатилитровые канистры, как говорится, на всякий пожарный. Хотя про пожар с таким количеством бензина в машине лучше не вспоминать.

Самое действенное средство против меланхолии – это скорость. И я всей душой предавалась этой упоительной страсти.

ГЛАВА 2

Непогода закончилась через несколько десятков километров пути. И вместе с тучами, покинувшими небосвод, рассеялась и моя меланхолия.

Я снова была сама собой, более того, находилась в прекрасной форме и, как хорошая собака перед охотой, пребывала в состоянии радостного возбуждения.

Я давно вожу автомобиль и поэтому совершенно не задумываюсь над тем, какие движения производят мои руки и ноги. И включаю сознание только при непосредственной угрозе дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, за рулем голова моя свободна, и я могу направлять свои мысли в любом направлении. При этом моя душа может наслаждаться божественными звуками любимых мелодий.

Остается только выбрать ту или иную музыку, которая в меньшей степени действует тебе на нервы, и скользить по жизни в ее ритме.

На этот раз в качестве «музыки за кадром» я выбрала старенькую группу «Slade», жизне-радостно-хриплый вокал которой заставлял вздрагивать наших родителей и учителей, а теперь казался чуть ли не патриархальным, насколько это возможно в роке вообще.

И тем не менее эта музыка заводила меня так же, как и в юности, как будто созданная для быстрой езды.

Я даже стала подпевать, отчаянно напрягая связки, и через несколько минут охрипла и чуть не сорвала голос, потому что орала от души.

Водители встречных машин смотрели на меня с сомнением, а один из них даже выразительно покрутил пальцем около своего виска. Но меня это только рассмешило, к тому же его задрипанный «жигуленок» смотрелся так убого по сравнению с моим «Ягуаром», что мне оставалось его лишь пожалеть.

У меня тоже еще недавно была «девятка», но к хорошему быстро привыкаешь, и я уже не могу себя представить на менее крутой тачке, чем мой теперешний красавец.

Правда, и горячее он потребляет в соответствии со своим темпераментом, поэтому не прошло и нескольких часов, как я стала поглядывать по сторонам в поисках автозаправочной станции. Благо их в последнее время понастроили такое количество, что если так дальше пойдет, то их станет больше, чем автомобилей.

Резко затормозив у новенькой, с иголки, АЗС, я увидела бегущих ко мне двух светловолосых парнишек в фирменных комбинезонах. Видимо, им очень нравились и их работа, и эти самые комбинезоны, в них они казались себе эдакими лихими парнями из Техаса или Калифорнии.

Мой автомобиль как нельзя лучше подходил к этой игре, а когда я расплатилась с ними долларами, их глаза и вовсе затуманились от счастья, и один из них от избытка чувств бросился протирать и без того чистое лобовое стекло.

Мне самой показалось, что я каким-то чудом перенеслась на другой континент, когда через полчаса увидела на дороге трогательную юную парочку в потертых джинсах.

Может быть, потому, что к тому времени у меня в салоне звучала сентиментально-суровая композиция «TheGion», или потому, что при виде моего автомобиля они устало и без всякой надежды подняли свои худенькие ручки с интернационально оттопыренными большими пальцами, но я решила десяток-другой километров проехать в компании симпатичных «стопистов».

Парнишке на вид было лет девятнадцать, а его подруге и того меньше. Не поверив своему счастью, они недоверчиво уселись на мягкое сиденье, но уже через несколько минут совершенно распоясались и даже попытались закурить.

Курить в своей машине я разрешаю только одному человеку, поэтому вместо сигарет я предложила им пакетик конфет с орехами, и они стали уплетать их за обе щеки.

Насколько я поняла, их путь лежал в Санкт-Петербург. Судя по всему, они убежали из дома и уже пару дней ночевали в стогах и недостроенных особняках. Одеты они были явно не по погоде, и оба уже отчаянно шмыгали носами, но при этом всем своим видом старались показать, что им сам черт не брат, и, глядя на их неумытые рожицы, я с трудом сдерживала улыбку.

– Филипп, – представился парнишка в ответ на мое предложение познакомиться, причем произнес имя с ударением на первом слоге. – А ее зовут Линдой, – кивнул он в сторону своей задремавшей под – руги.

– Не боишься ее простудить? – поинтересовалась я. – Здесь все-таки не Майами.

– Да мы ночью под дождь попали, а в стогу не больно от него спрячешься, – совершенно по-русски шмыгнул носом Филипп и с тревогой посмотрел на свою похожую на воробушка попутчицу.

– У вас деньги-то есть?

– Да-а... – не слишком уверенно протянул он.

Но тем не менее, когда по пути нам встретилась придорожная закусочная и я предложила перекусить, Линда сглотнула слюну, а ее бойфренд заявил, что они только что поели.

– Ничего страшного, поедите еще раз, – улыбнулась я, – тем более что я угощаю.

– Конечно, поедим, – торопливо ответила девчушка, пока ее друг соображал, стоит ли принимать мое щедрое предложение.

Судя по тому, с каким аппетитом они ели, это был едва ли не первый их обед за последние два дня.

После этой остановки я вполне могла считать, что путешествую в одиночестве: мои попутчики сладко спали, обнимая во сне друг друга.

Разбудила я их уже перед самой Москвой, потому что здесь наши пути расходились, мне нужно было свернуть на Желтогорск, а моим заспанным пассажирам там совершенно нечего было делать. Покидали уютный салон они с явным сожалением.

Пролопотав на прощанье слова благодарности и подняв воротники своих курточек, они так и остались стоять на обочине дороги в ожидании нового средства передвижения.

* * *

Теперь я могла вернуться к своим профессиональным обязанностям и полностью сосредоточиться на них.

Желтогорск, этот небольшой подмосковный городок, интересовал меня прежде всего потому, что там проживала одна из гипотетических жертв «психического террора». Именно с этим человеком мне хотелось встретиться прежде всего, главным образом потому, что я хорошо представляла его себе по публикациям в прессе и выступлениям на телевидении.

С моей точки зрения, это был один из самых здравомыслящих людей в Думе, я голосовала за его фракцию на последних выборах и не сомневалась в его полной вменяемости. А учитывая специфику моего задания – это имело большое значение.

Я допускала, что определенная часть моих потенциальных «клиентов» страдает психическими отклонениями в той или иной степени, а мне нельзя было терять время на бессмысленный «психоанализ». К тому же с некоторых пор патология в любом виде вызывает у меня раздражение. Я предпочитаю иметь дело с нормальными людьми, насколько это возможно в нашей сумасшедшей державе.

Надо было поторапливаться, потому что начинало смеркаться, а мне хотелось добраться до места назначения засветло. И я позволила своему «зверю» показать, на что он способен, тем более что дороги в Подмоскovie хорошие.

Тем не менее, когда я припарковалась около нужного мне дома, было уже совсем темно. Не выходя из машины, я набрала номер телефона Ильи Степановича и через некоторое время услышала его тихий голос:

– Я вас слушаю.

Слышимость была плохой, несмотря на то что мой собеседник находился от меня в нескольких десятках метров. В трубке что-то трещало, и я непроизвольно повысила голос:

– Илья Степанович?

– Да, – так же тихо подтвердил он.

– Моя фамилия Максимова, я представляю независимую комиссию по энерго-информационным проблемам, – представилась я заранее приготовленной фразой. – Вы не могли бы уделить мне полчаса?

На этот раз я решила воспользоваться своей настоящей фамилией, поскольку мой нынешний официальный статус как нельзя лучше соответствовал избранной мною версии «легенды». По нему я – юрисконсульт губернатора Тарасовской области, а именно такие люди чаще всего и составляют многочисленные околдумские комиссии.

Илья Степанович ответил не сразу. Прошло по меньшей мере две минуты, прежде чем я услышала:

– А почему так поздно?

Я посмотрела на часы. По моим понятиям время было еще совершенно «детское». И я не сразу нашлась, что ответить.

– Ну хорошо, – не дождавшись моих объяснений, согласился Илья Степанович, – где вы находитесь?

– Рядом, – не стала уточнять я. – Если не возражаете, минут через десять я буду у вас.

– Вы хотите прийти ко мне? – спросил Илья Степанович с явным сомнением.

– Вас что-то смущает?

И опять мне пришлось ждать ответа пару минут.

– Думаю, что лучше нам встретиться где-нибудь в другом месте, вы на машине?

– Да.

– Мой адрес вам известен?

– Конечно.

– В таком случае – через пятнадцать минут я к вашим услугам. Буду ждать вас у своего дома.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с его предложением. Тем более что мне это было даже на руку – я могла воспользоваться установленной в машине аппаратурой для записи нашего разговора. А это было совсем не лишним.

Я не сразу узнала Илью Степановича, когда он оказался в поле моего зрения. Что бы с ним ни произошло с тех пор, как я видела его последний раз, – это не лучшим образом отразилось на его внешности: он похудел килограммов на пятнадцать и выглядел лет на десять старше своего возраста.

Сообразив, что этот изможденный мужчина в сером плаще и есть известный мне человек, я включила магнитофон на запись и просигналила автомобильным гудком. Илья Степанович вздрогнул и неуверенным шагом направился в мою сторону.

– Госпожа Максимова? – спросил он с непонятной для меня робостью, которая никак не вязалась с его имиджем смелого ироничного человека.

– Да, это я вам звонила, – ответила я и, чтобы его приободрить, – никогда бы не подумала, что это понадобится при общении с этим человеком, – улыбнулась и открыла перед ним дверцу.

– Извините, как-то неловко получилось... – начал он с оправданий.

– Да бросьте, это все неважно.

– Просто моя жена... – он замялся, подыскивая слово, – очень тяжело воспринимает происходящее...

Он произнес это с такой болью, что стало понятно, что мой визит был бы теперь крайне неуместен.

– Она все время плачет и уговаривает меня лечь в клинику...

– В клинику? – удивилась я.

– Да, в психушку, – сокрушенно добавил он. – Она считает меня шизофреником, и переубедить ее в этом невозможно... Тем более что я и сам иногда подумываю об этом.

– Илья Степанович, – предложила я, заметив, что он глаз не сводит со своих окон, – давайте проедем в какое-нибудь спокойное место, где нам никто не мешает, и там вы мне все расскажете.

– Пожалуй, вы правы, – согласился он, и вдруг лицо его исказилось странной неприятной гримасой, после чего Илья Степанович энергично тряхнул головой, словно пытаясь сбросить с себя невидимое, но омерзительное насекомое.

Через несколько минут мы покинули городскую черту и скоро припарковались неподалеку от лесополосы метрах в пятидесяти от московского шоссе.

Я бы с удовольствием воспользовалась этим и прогулялась по свежему воздуху. После десятка часов безвылазного пребывания в салоне автомобиля мне бы это совершенно не повредило. Но в этом случае у меня появились бы проблемы с записью нашей беседы. Кроме того, Илье Степановичу это вряд ли пришлось бы по душе, он и без того посматривал в сторону леса с явной тревогой.

Поэтому я ограничилась тем, что заглушила мотор и открыла настежь дверь со своей стороны.

После многочасовой работы мотора ночная тишина создала ощущение ваты в ушах, и только через несколько минут я поняла, что эта тишина обманчива. Жизнь невидимых обитателей леса не прекращалась с заходом солнца и сопровождалась целой симфонией специфических звуков: от шума ветра в ветвях деревьев до стрекота ночных насекомых.

Некоторое время мы с моим спутником прислушивались к таинственным шорохам, прежде чем возобновить разговор.

– Итак, Илья Степанович, – начала я и поймала себя на том, что говорю очень тихо, почти шепотом. – Расскажите мне все, что с вами происходит последнее время. Как можно подробнее и с самого начала. Когда это началось?

И мой тихий голос и неожиданно интимная интонация, видимо, повлияли на моего собеседника успокаивающе, я это почувствовала. И, немного помолчав, он произнес:

– Извините, я не запомнил вашего имени...

– Юлия, – почти шепотом ответила я.

– Спасибо, – неизвестно за что поблагодарил меня Илья Степанович и продолжил: – Честно говоря, я не знаю, что рассказывать... Все это вам покажется бредом. Я и сам еще пару месяцев назад не поверил бы ни единому своему слову.

– И все же попробуйте, – мягко, но настойчиво попросила я.

– Хорошо, – согласился он, – в конце концов, терять мне уже нечего.

Я уселась поудобнее на своем мягком сиденье, приготовившись к длинному рассказу.

Илья Степанович вздохнул:

– Вы не представляете, что я пережил за это время. Скоро месяц, как я уехал из Москвы, и уже сомневаюсь, что когда-нибудь смогу вернуться туда снова. В настоящее время я в полном смысле этого слова невменяем. И если они добивались именно этого, то у них это получилось.

– «Они»? – переспросила я. – Кого вы имеете в виду?

– Весь идиотизм моего положения заключается в том, что я этого не знаю, – усмехнулся он.

– Извините, я больше не буду вас перебивать.

– Ничего страшного. В конце концов, мне необходимо с кем-то поделиться своими проблемами. Я чувствую себя таким одиноким... Все, с кем я пытался говорить на эту тему до сих пор, через несколько минут разговора приходили к выводу о... – он покрутил пальцем у виска, – и начинали смотреть на меня с жалостью.

Илья Степанович производил впечатление уставшего, измученного человека, но сомнений в его психическом здоровье у меня не возникало, в чем я и поспешила его заверить.

– Спасибо, – снова поблагодарил он меня и опять замолчал.

– Вы не одиноки в ваших проблемах, – напомнила я ему. – Именно поэтому создана наша комиссия.

– Да, я слышал об этом. Честно говоря, я уже не верю, что мне кто-то в состоянии помочь, тем более... комиссия. Но чем черт не шутит, а вдруг... Кстати, – он неожиданно встревожился, – будьте добры ваши документы.

«Ну что же, немного поздно для безопасности, но, видимо, тебе сейчас не до бдительности», – подумала я, протянула ему свои «крутые» корочки и включила освещение в салоне. Удостоверившись, что имеет дело с «юрисконсультотом губернатора», и сравнив при слабом свете мою внешность с фотографией, он вернул мне удостоверение и немного успокоился.

Удивительно, что в наше время люди еще доверяют каким-то бумажкам, хотя создать точную копию документа способен сейчас любой школьник при наличии компьютера со сканером. И не каждый криминалист сумеет отличить ее от оригинала.

– Итак... – как можно спокойнее проговорила я, хотя затянувшаяся преамбула начинала меня раздражать.

– Все началось около месяца назад. После работы я вернулся в гостиницу и лег спать. Это был обычный вечер, ничем не отличавшийся от остальных. Перед сном я еще немного поработал, нужно было подготовить один срочный документ... Но, почувствовав усталость, решил перенести это дело на утро.

Голос его прервался от волнения, и он тяжело сглотнул:

– Среди ночи я проснулся от страха. Даже не страха, а какого-то животного ужаса... Ничего подобного я не испытывал с детства.

Илья Степанович опустил голову, а когда снова поднял ее, с ним начало твориться что-то невообразимое. Лицо его задергалось и преобразилось до неузнаваемости. Теперь на нем была гримаса брезгливости и боли, руки суетливо перебегали от пуговиц его плаща к родинке на щеке, к тому же он стал производить какие-то нечленораздельные звуки.

– Что-то не так? – задала я ему дурацкий вопрос, как будто и без его ответа в этом сомневалась. Но я действительно растерялась.

Илья Степанович выпрямил спину, вскинул голову и заговорил так, словно перед этим принял граммов четырехста чистого спирта. Я готова была поклясться, что передо мной сидел пьяный в дым человек, хотя за минуту до этого он был совершенно трезв.

– А... что вам, собственно говоря, от меня... нужно? – с трудом артикулируя, выдавил он из себя с той же брезгливой гримасой.

Я терпеть не могу пьяных мужиков, и, хотя понимала, что тут что-то неладно, меня передернуло от отвращения.

– Вы собирались мне рассказать...

– Я... – качнувшись на сиденье и едва не потеряв при этом равновесия, то ли подтвердил, то ли переспросил Илья Степанович. – А с кем, если... – Он замолчал, не совладав со своим речевым аппаратом, и затряс головой.

Мне стало не по себе.

Я была готова ко всяким неожиданностям, но когда на твоих глазах умный сильный человек превращается в подобное существо – трудно сохранить хладнокровие.

– Вы собирались мне рассказать... – попыталась я напомнить собеседнику, но он бесцеремонно перебил меня:

– Я хочу тебя, – и протянул руку к моей груди. Его ноздри уже раздувались от возбуждения, и дыхание участилось.

Это уже ни в какие ворота не лезло.

– Что с вами, Илья Степанович? – стараясь не потерять самообладания, спросила я.

И это подействовало. Илья Степанович испуганно отдернул руку от моей груди, втянул голову в плечи и съежился, после чего закрыл лицо руками и зарыдал в голос.

– Простите, – сквозь слезы выговорил он, – это не я. То есть я этого не хотел... Господи, что же они со мной делают?

Несколько минут он не произносил ни слова, лишь его плечи вздрагивали от рыданий.

А когда он наконец взял себя в руки, то попросил:

– Отвезите меня, пожалуйста, домой... Вы же видите, они не дадут мне возможности... – Тяжело вздохнув, он снова закрыл глаза руками. – Боже мой, как я от всего этого устал.

Когда я поворачивала ключ зажигания, руки мои дрожали. При всем внешнем хладнокровии я испытала сильное потрясение, и меня поколачивало.

Всю дорогу до дома Ильи Степановича мы молчали, только выходя из машины, он оглянулся на меня и сказал:

– Без толку это все. Бросьте вы это дело, если не хотите, чтобы ваша жизнь превратилась в кошмар... Они и вас достанут. – Он отошел от машины на несколько метров, обернулся и добавил: – Простите.

ГЛАВА 3

С тяжелым чувством я покидала Желтогорск, и лишь проехав километров пятьдесят, задала себе вопрос, куда же я еду.

Было уже совсем поздно, и в Москву я рисковала добраться сильно за полночь. Представив себе массу проблем с парковкой автомобиля и сонных дежурных в гостинице, я решила заночевать в машине в каком-нибудь укромном месте между Москвой и Желтогорском.

Несмотря на все тревожнения, а может быть, именно благодаря им у меня не на шутку разыгрался аппетит, поэтому я в первом же придорожном кафе купила все необходимое для плотного ужина. Тем более что ела в последний раз, угощая своих хипповых пасса – жиров.

Я снова села в машину и, проехав еще пару километров, свернула на первую же проселочную дорогу и скоро нашла идеальное место для ночлега – на берегу живописной речки в километре от шоссе.

Умяв несколько булок с сосисками и запив их теплой минералкой, я откинулась на спинку сиденья и расстегнула пуговицу на джинсах.

Теперь мне предстояло осмыслить мою первую встречу, сделать выводы и скорректировать в соответствии с ними свои дальнейшие действия.

Все было не так просто, как мне казалось еще сегодня утром. И неизвестно, какие сюрпризы готовили мне мои невидимые противники.

Прокрутив на начало пленку на магнитофоне, я собралась прослушать запись нашей несостоявшейся беседы и нажала на кнопку воспроизведения.

То, что последовало за этим, привело меня в не меньшее изумление, чем внезапная метаморфоза Ильи Степановича.

Никаких следов разговора на ней не было! Вначале мне показалось, что пленка была совершенно чистой, но, прибавив громкости, я убедилась, что на ней появился странный перестук в ритме идиотской считалочки. С выводящей из себя монотонностью он звучал каждый раз, как только я, перемотав несколько десятков метров, пыталась обнаружить на пленке что-то иное.

При этом я была совершенно уверена, что ничего подобного на пленке до этого не было. Меня хорошо учили, и прежде чем воспользоваться пленкой при выполнении задания, я всегда проверяю ее самым тщательным образом.

«Откуда взялся этот странный стук? – ломала я голову. – И куда девалась сделанная мною запись?»

В исправности своей аппаратуры я не сомневалась, но на всякий случай тут же произнесла несколько фраз – они записались безукоризненно. Значит, дело было не в пленке и не в аппаратуре.

Отсюда следовал единственный вывод: обладатели страшного оружия – а никак иначе я теперь не могла воспринимать всю эту психотронику – имеют возможность не только контролировать поведение своих жертв, но и воздействовать на электронную аппаратуру. О чем я до сегодняшнего дня не подозревала. Интересно, знает ли об этом Гром?

Стук оказался привязчивым, и даже после того, как я выключила магнитофон, он продолжал назойливо звучать у меня в голове, и мне это совершенно не нравилось.

Я поймала себя на том, что начинаю подбирать соответствующие этому ритму слова. Лишенные всякого смысла, они были полным бредом:

– Жил-был-человек-скушал-сорок-чебурек...

Мне показалось, что какой-то ехидный тоненький голос в моей голове подсказывает мне эти слова, и я с трудом отделалась от этого ощущения. Эта считалочка, бесконечно повторяясь,

казалось, подчиняла своему ритму все мое существо, заставляя отстукивать его ладонью и лишая способности размышлять.

– Чертовщина какая-то, – проговорила я вслух и, чтобы переключиться на что-то другое, поставила на магнитофон первую попавшуюся кассету. Это оказалась любимая мною с детства «Волшебная флейта» Моцарта.

Некоторое время стук считалочки и божественные ритмы моцартовской оперы боролись в моем сознании, но в конце концов Моцарт победил. И помог мне сосредоточиться.

Но чем больше я размышляла над событиями последних часов, тем к более печальным выводам приходила. И это еще мягко сказано.

«Если они решили помешать нашему с Ильей Степановичем разговору, – размышляла я, и думать так у меня были все основания, – а тем более каким-то неведомым способом заблокировать мою надежную аппаратуру, то, значит, им известно и то, что я подключилась к этому делу и где я сейчас нахожусь».

От этих мыслей мороз пошел у меня по коже, и стало не по себе. Ничего подобного я не могла себе и представить, хотя самым внимательным образом изучила информацию о фантастических возможностях гипотетической пси-лаборатории.

Если дело обстояло именно так, то они имели передо мной огромное преимущество.

Им было известно про меня все, мне же о них – ничего.

У них была уникальная, неизвестная мне аппаратура, против которой все мои «шпионские принадлежности» были бесполезны.

Ну и наконец – мне было неизвестно не только то, кто работает против меня, но и где они находятся. Судя по всему, их лаборатория могла располагаться в любой точке нашей страны или даже за ее пределами.

Из всего этого я сделала малорадостный вывод, что на этот раз мне нужно забыть весь свой опыт и попытаться найти новые, неведомые пока способы войны. С учетом того, что каждый мой шаг известен моему противнику.

Было от чего голове пойти кругом.

Чтобы прийти в себя от потрясения, я вышла на свежий воздух и немного прогулялась.

Ночи в полном соответствии со временем года были уже холодные, и после теплого комфорта автомобильного салона с кондиционером и автоподогревом я уже через несколько минут продрогла насквозь.

Несмотря на все мои попытки, я так и не смогла придумать ничего путного и по традиции отложила решение всех своих проблем до утра, доверяя сказочному совету, что «утро вечера мудренее», тем более когда имеешь дело с подобной чертовщиной.

Укладываясь спать, я подумала, что продолжать размышлять на эти темы сейчас – все равно что рассказывать себе на сон грядущий страшные истории.

Я убавила звук на магнитофоне и, согревшись, уже почти засыпала, когда раздался сигнал телефона.

– Слушаю, – сбросив с себя дремоту, произнесла я в трубку.

И в ответ не услышала ни звука.

Хоть и не часто, но такое случалось и раньше. Всякое бывает. Кто-то ошибается номером или не срабатывает связь, но в сегодняшних обстоятельствах это безмолвие показалось мне зловещим.

Так и не дождавшись нового звонка, я снова попыталась заснуть. С большим трудом мне это удалось под утро, хотя назвать этот «коктейль» из кошмаров и пробуждений полноценным сном было бы сильным преувеличением.

* * *

Утро подарило мне сюрреалистический пейзаж. За окном моего автомобиля все было в дымке, туман был настолько плотным, что уже в десяти шагах ничего не было видно, и на шоссе я выбиралась почти на ощупь.

Только поднявшись на эстакаду, я вырвалась из его объятий. Место моей ночевки располагалось в низине у воды, поэтому поредевший уже через час после восхода солнца туман лишь там еще продолжал бороться с утренним теплом.

Вместе с туманом рассеялись и остатки моих ночных страхов. Теперь, при свете яркого солнца, все происшедшее со мной вчера вечером уже не казалось мне таким страшным. Во всяком случае, я даже подтрунивала над собой и своей трусостью.

– Ну, и что ты так перепугалась? – бодрым «пионерским» голосом спрашивала я себя. – Сумасшедшего дяденьки испугалась? Эх ты, трусишка.

В глубине души я далеко не была уверена, что все мои вчерашние тревожные соображения были беспочвенными, но мне нравилось улыбаться и подшучивать над собой. Это было намного приятнее, чем ворочаться с боку на бок, вздрагивая то ли от ночных шорохов, то ли от собственных фантазий.

А запах шашлыка, проникший в салон моего автомобиля, заставил меня остановиться у невзрачной на вид придорожной шашлычной и позавтракать любимым блюдом.

– Нет, кроме шуток, – старательно убеждала я себя, – психика Ильи Степановича на самом деле могла не выдержать такой нагрузки. Он же сам тебе сказал, что стал невменяемым.

И тут же возражала самой себе:

– Но ведь не хочешь же ты сказать, что у тебя нет достаточных оснований для беспокойства? Ведь кто-то или что-то довело Илью Степановича до такого состояния? Еще недавно более нормального человека, чем он, трудно было себе представить. К тому же о том, что он является одной из жертв «пси-террора», ты узнала не откуда-нибудь, а из сверхсекретной информации из Москвы. А там наверняка тысячу раз проверили все факты, прежде чем отослать их тебе.

– Почему с таким лицом кушаешь, шашлык невкусный? – отвлек меня от этого внутреннего диалога вопрос хозяина шашлычной, небритого мужчины средних лет явно «кавказской национальности».

– Шашлык замечательный, к нему бы еще бутылочку «Гурджаани», – улыбнулась я ему в ответ.

– Э-э, почему так поздно сказала, у меня есть, – расстроился хозяин шашлычной и бросился было за бутылкой, но я поторопилась его остановить:

– Спасибо, но я за рулем.

– Э-э, что значит за рулем? Какой гибэдэдэшник с тебя штраф возьмет, он что – не мужик, ей-богу? Такой красавица от стаканчика вина только лучше машину водит.

Он пребывал в хорошем настроении и был не прочь поболтать с хорошенькой хозяйкой дорогой машины.

– Тем более такую машину! – восхищенно зацокал он языком, с одобрением поглядывая на мою машину. – Мамой клянусь, через год такую же куплю!

Мы еще немного поболтали с ним о достоинствах моего «Ягуара» и расстались добрыми друзьями. Есть все-таки в кавказских мужчинах определенный шарм, и готовят они – что надо!

Я даже немного расстроилась, когда вернулась в машину и увидела себя в зеркале. После проведенной в машине полубессонной ночи я выглядела далеко не лучшим образом, и умыться мне совсем не мешало.

Но возвращаться для этого в шашлычную мне не хотелось. Пришлось ограничиться гигиенической салфеткой, которые я на всякий случай всегда вожу с собой в бардачке.

Приведя себя в божеский вид, я вернулась к прерванному диалогу и через некоторое время пришла к выводу, что основания для беспокойства у меня, конечно же, были, но не до такой степени страшные, чтобы паниковать.

Самым неприятным в этой истории была необъяснимая «поломка» магнитофона и особенно те странные звуки, что появились в результате ее на пленке.

Все остальное я после некоторых колебаний отнесла к ночным страхам и игре воображения, во всяком случае, решила пока не менять своих планов и, по возможности, в самое ближайшее время встретиться с другими предполагаемыми жертвами преступной психотроники.

Освежив в памяти некоторые фамилии и адреса, я прибавила газу, с особым удовольствием обгоняя «Форды» и «Мерседесы».

На этот раз мой путь лежал в одно из подмосковных заведений, в разное время называвшееся то профилакторием, то домом отдыха, не меняя при этом своей сути. То есть оставаясь психиатрической лечебницей для привилегированных клиентов.

В нем по моим сведениям с недавних пор проживала весьма уважаемая мною женщина, настолько известная в самых широких кругах, что я не стану называть ее настоящего имени и должности. Она и поныне здравствует, и разглашение тайны истории ее «болезни» будет нарушением прав ее личности.

Санаторий, назовем его этим нейтральным словом, находился в живописном месте в одной из старинных подмосковных усадеб середины девятнадцатого века.

Попасть на его территорию с моим удостоверением оказалось не слишком сложно, и через некоторое время мы с Татьяной Ивановной уже мирно беседовали на одной из удобных лавочек в окружающем лечебные корпусы парке.

В отличие от Ильи Степановича, Татьяна Ивановна выглядела довольно сносно, и если бы не глубокие тени под глазами и немного осунувшееся лицо, я бы подумала, что она попала в мой список по ошибке.

У нее в руках был томик Бунина.

– Вы знаете, – улыбнулась она, перехватив мой взгляд, – с тех пор, как эта напасть свалилась на мою голову, я постоянно провожу над собой что-то напо – добие экспериментов. И заметила, что самая лучшая защита – это не поддаваться страхам и занять себя чем-то постоянным. И русская литература в этом смысле – идеальное средство. Насколько я понимаю, эмоциональная угнетенность им только на руку. А чем больше прислушиваешься к себе, тем проще им подавить твою личность.

– Им? – переспросила я, поскольку сама употребляла это местоимение для обозначения неведомого противника.

– Им. Или ему. Если бы знать... – спокойно ответила Татьяна Ивановна. – Сколько я ни билась над этой загадкой, я ни на йоту не приблизилась к ее разрешению. Может быть, обнаружить их невозможно в принципе. Они это знают и поэтому действуют так нагло.

– Но если вы понимаете, что дело тут не в функциональном нарушении мозга, то почему... – Я кивнула в сторону лечебного корпуса, где располагалась палата Татьяны Ивановны.

– Почему я легла в психушку? – спокойно употребила моя собеседница слово, которого я в разговоре с ней всячески избегала. – Поверьте, не потому, что считаю себя сумасшедшей. Первое, что я сделала, столкнувшись со «странными явлениями», – это проштудировала всю доступную мне литературу и пришла к выводу, что это не болезнь. К тому же среди моих друзей есть вполне квалифицированные психиатры, которые лишь подтвердили мой вывод.

– В таком случае...

– Самая главная причина, Юлия Сергеевна, в том, – перебила она меня, – что у меня двое детей. И если моя квартира подвергается тому или иному воздействию, когда я там, мне не хочется, чтобы из-за этого страдали члены моей семьи. К тому же в результате «излучений» или чем там они пользуются я совершенно не могу спать. – Она потерла виски кончиками пальцев. – А это не самым лучшим образом сказывается на самочувствии. Поэтому присутствие квалифицированных врачей может оказаться весьма уместным.

Татьяна Ивановна замолчала, и я не торопилась возобновить разговор. Она закрыла глаза и откинулась на спинку скамейки, греясь в лучах осеннего солнца. Ее лицо было совершенно спокойным, только веки слегка подрагивали...

– Я вчера видела Илью Степановича... – через некоторое время сообщила я.

– Как он там? – живо откликнулась Татьяна Ивановна.

– Неважно.

– Он сейчас в Москве?

– У себя дома.

– Может быть, этого они и добиваются, – задумчиво произнесла Татьяна Ивановна.

– Чего? – не поняла я.

– Чтобы неугодные им люди разъехались по своим норам и не высывались... У них же должна быть какая-то цель. Да не прячьте вы ваш диктофон, – неожиданно закончила она и открыла глаза.

Как я ни старалась, я не смогла скрыть смущения.

– Не смущайтесь, какая, в конце концов, разница – блокнот или диктофон? Вы же, надеюсь, не собираетесь транслировать это по радио?

– Ну что вы... – снова смутилась я и рассказала о загадочном отказе моей аппаратуры вчерашним вечером. – Я хотела убедиться...

– В чем? Что это случайность? Не думаю. Вы бы видели, что творилось с аппаратурой в моем доме, начиная от компьютера и кончая пылесосом. Все эти приборы словно с ума посходили... – усмехнулась она и таким образом перевела наш разговор на самые интересные для меня темы.

В основных чертах мне были известны результаты пси-воздействия, но услышать обо всем этом от непосредственно пострадавшего от них человека, сохранившего при этом ясность мысли, – о большем я не могла и мечтать.

* * *

Наша беседа продолжалась больше часа. Не считаю необходимым пересказывать ее содержание, поскольку буквально через несколько часов сама пережила многое из того, о чем мне поведала Татьяна Ивановна.

Прощаясь с ней, я не смогла удержаться от слов восхищения по поводу ее мужества и выдержки.

– Это я на людях такая смелая, а по ночам дрожу от страха, особенно когда вылезает вся эта чертовщина... – отмахнулась она и, пожелав мне успеха, вернулась в свою палату.

Покинув территорию санатория, я первым делом включила магнитофон. Кассета снова оказалась совершенно пустой...

ГЛАВА 4

Не сдержавшись, я отшвырнула ни в чем не повинный магнитофон на соседнее сиденье.

Нельзя сказать, что я была не готова к такому повороту событий, но, видимо, в душе все-таки надеялась, что на этот раз мои невидимые противники не станут демонстрировать своих уникальных возможностей или в конце концов придумают что-то новенькое. Ведь блокировка записывающего устройства, по сути дела, не имела никакого смысла. Поэтому иначе, как демонстрацию силы, эти действия я не воспринимала.

Я вспомнила слова Татьяны Ивановны: «Они пытаются свести меня с ума явной абсурдностью своих действий».

«Ну и черт с вами, – немного успокоившись, решила я. – Моя память не уступает самому лучшему магнитофону...» – И похолодела от ужаса, потому что в этот момент мне показалось, что мою память кто-то почистил столь же основательно, как и магнитофонную кассету. И несмотря на то что это была ложная тревога, мое сердце еще долго работало с интенсивностью отбойного молотка.

Тем не менее рассказ Татьяны Ивановны окончательно убедил меня не только в том, что преступная лаборатория существует в реальности, но и в том, что более опасного противника еще не было в моей богатой на треволнения жизни.

Но то, что эта женщина – несмотря на все пережитое ею в последнее время – сохранила присутствие духа, дарило надежду и заряжало оптимизмом.

«Они всего лишь люди, – внушала я себе, лавируя в потоке машин, – а значит, и у них есть слабое место, и ты просто обязана отыскать его или навсегда потеряешь право называться секретным агентом с гордой кличкой Багира».

Я ехала на встречу с очередной жертвой пси-террористов, хотя уже не понимала, что нового могу узнать от этого бойкого и неунывающего до недавнего времени журналиста. Мне казалось, что после встречи с Ильей Степановичем и Татьяной Ивановной я располагала всей необходимой мне «наглядной информацией».

С другой стороны, Семен Липсанов, так звали литературного сотрудника одного из московских периодических изданий, был едва ли не единственным из известных мне пострадавших, не покинувших до сих пор своего рабочего места. И мне было любопытно, каким образом ему это удастся.

Как бы ни старалась сохранить присутствие духа Татьяна Ивановна, она честно признавалась, что вряд ли в ближайшее время сможет вернуться к своим слу – жбым обязанностям. Об Илье Степановиче в этом смысле и говорить не приходилось. На сегодняшний день это был совершенно больной человек.

Столица встретила меня мелким морозящим дождиком и злым роком в лице корыстного гибэдэдэшника. Несмотря на все мои документы и чарующие улыбки, он оштрафовал меня на сумму, вполне соответствующую классу и цене моего автомобиля.

Честно говоря, он имел на это право, потому что, увлекшись своими мыслями, я совершенно не обращала внимания на стрелку спидометра и превысила допустимую в черте города скорость в полтора раза. Поэтому каюсь – корыстным назвала его в сердцах, за что приношу ему искренние извинения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.